
ПАМЯТНИК

Харченко Д.И.

К ИСТОРИИ МУЗЕЕФИКАЦИИ ПЕТРОПАВЛОВСКОЙ КРЕПОСТИ (1920-е — середина 1930-х гг.)

Харченко, Диана Игоревна — студентка бакалавриата, программа «Музеология и охрана объектов культурного и природного наследия», Санкт-Петербургский государственный университет, Россия, Санкт-Петербург, st098196@student.spbu.ru.

Научный руководитель — к.и.н., доцент Кафедры музейного дела и охраны памятников СПбГУ О.А. Любезников.

В статье рассматривается история возникновения и развития музея на территории Петропавловской крепости в 1920-е — середине 1930-х гг. К началу XX в. сформировалось несколько образов ансамбля, которые нашли отражения в печатных изданиях и повлияли на профиль возникшего музея. Описания зловещей тюрьмы из воспоминаний заключенных, преследуемых самодержавием, соседствовали с трепетным отношением к значимым объектам крепости в путеводителях по городу, однако первое понимание признается автором главенствующим для музейного строительства послереволюционной эпохи. Музеефикация на территории Заячьего острова происходила постепенно и затронула фактически лишь две ключевые постройки — Петропавловский собор и Трубецкой бастион. В статье отмечена роль первых музейных сотрудников — хранителя-архитектора Петропавловского собора О.М. Равицкой и заведующей музеем с конца 1920-х гг. А.Т. Шакол. Их имена редко упоминаются в существующей литературе по теме, а деятельность остается малоизученной. С опорой на имеющуюся историографию и неопубликованные документы Центрального государственного архива Санкт-Петербурга и Центрального государственного архива литературы и искусства Санкт-Петербурга автор, реконструируя процесс музеефикации Петропавловской крепости в 1920-е — 1930-е гг., приходит к выводу о том, что в раннесоветский период надзор за памятниками ансамбля, становившимися объектами музейного показа, осуществляли, главным образом, три организации — Ленинградское отделение Главного управления научными и научно-художественными учреждениями при Наркомпросе, Ленинградский государственный музей Революции, а также Ленинградское отделение Всесоюзного общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев. В публикации впервые подробно освещена роль Ленинградского отделения Всесоюзного общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев в работе музея в 1930-е гг.

Ключевые слова: Петропавловская крепость, музеефикация, Главнаука, Музей Революции, Общество политкаторжан, Петропавловский собор, Трубецкой бастион, О.М. Равицкая.

TO THE HISTORY OF MUSEUMIFICATION OF THE PETER AND PAUL FORTRESS (1920s — mid — 1930s)

Kharchenko, Diana Igorevna — student of the bachelor program “Museology and conservation of cultural and natural heritage sites”, Saint-Petersburg State University, Russian Federation, Saint-Petersburg, st098196@student.spbu.ru.

The scientific supervisor—O.A. Lyubeznikov, Candidate of Science in History, Associate Professor of the Department of museum work and protection of monuments at the Saint Petersburg State University

The article is dedicated to the history of the foundation and development of the museum located on the territory of the Peter and Paul Fortress, specifically in the 1920s—mid—1930s. By the beginning of the 20th century, different thoughts about the ensemble had been reflected in printed publications. All of them influenced the section of the museum in the future. Prisoners' memories of an ominous place for those persecuted by the autocracy are combined with reverent attitude towards significant objects of the landmark in travel guides, but the first vision resonates more with the author for museum development in the post-revolutionary period. Museumification on the territory of Hare ('Zayachy') island was carried out gradually. In fact, two key buildings were involved: Peter and Paul Cathedral and Trubetskoy bastion. The article highlighted the role of the first museum workers—custodian-architect of the Peter and Paul Cathedral: Olga Mikhailovna Ravitskaya, and museum chief since the late 1920s: Alexandra Timofeevna Shakol. Unfortunately, their names are rarely mentioned in literature related to this topic and their contribution has been little studied. Based on historiography and unpublished documents from Central State Archive of St. Petersburg and Central State Archive of Literature and Arts of St. Petersburg, the author reconstructs the process of museumification of the Peter and Paul Fortress in 1920s—mid—1930s and concludes that in the early Soviet period, supervision over the monuments of the ensemble, which became museum objects, was carried out mainly by three organizations: Leningrad branch of the main directorate of scientific and scientific-artistic institutions under the People's Commissariat for Education, Leningrad Museum of Revolution and Leningrad branch of the Society of Former Political Prisoners and Exiled Settlers. For the first time the role of the Leningrad branch of the Society of Former Political Prisoners and Exiled Settlers in the work of the museum in the 1930s is described in detail.

Key words: Peter and Paul Fortress, museumification, Glavnauka, Museum of Revolution, branch of the Society of Former Political Prisoners and Exiled Settlers, Peter and Paul Cathedral, Trubetskoy bastion, O.M. Ravitskaya.

Петропавловская крепость в Санкт-Петербурге—это сложный и довольно многозначный историко-архитектурный ансамбль, в котором, по справедливому замечанию многих исследователей, «совместилось, казалось бы, несовместимое»¹. На страницах путеводителей, как советских, так и современных, памятник преподносится как результат борьбы русского народа за русские земли и выход к Балтийскому морю, как символ революционных дней и как место, связанное с одной из самых страшных тюрем Российской империи, с доминантой в виде Петропавловского собора. Тройная связь образов—«крепость-тюрьма-собор»—нерушима, но в XX веке добавляется еще одна составляющая—музей. Он начинает свою деятельность в начале 1920-х гг., а в 1930-е гг. становится одним из самых посещаемых историко-революционных музеев Ленинграда, своеобразной «русской Бастилией»—так крепость называют в официальных документах того времени. Какова была судьба царского наследия в новых социально-политических обстоятельствах и что происходило с ним в эти десятилетия? Требовало ли это наследие новой интерпретации в условиях смены власти и добавления иных смыслов? Как масштабный памятник превращался в объект музейного показа и функционировал

¹ Макогонова М. Петропавловская крепость: оплот России на Балтике, императорская усыпальница, государева тюрьма, музей под открытым небом. СПб., 1999. С. 3.

в довоенное время? Какие акторы были причастны к созданию и работе музея? И, наконец, с какими проблемами столкнулись музейные сотрудники на первых шагах своей деятельности на Заячьем острове? Настоящая статья — попытка реконструировать процесс музеефикации Петропавловской крепости в 1920-е — середине 1930-х гг. в его полноте и сложности.

В исследовательской литературе предпринимались попытки ответить на поставленные вопросы, хотя история возникновения музея и его функционирования в 1930-е гг. не нашла отражения в какой-либо отдельной монографии и раскрывается лишь в статьях, посвященных отдельным памятникам на территории крепости (прежде всего — тюрьме Трубецкого бастиона, Петропавловскому собору с Великокняжеской усыпальницей²), или в обзорных работах об ансамбле крепости, где рассматривается деятельность музея на том или ином историческом промежутке³. Их авторы — сотрудники Государственного музея истории Санкт-Петербурга, которые начали активно публиковаться с 1990-х гг. и внесли значительный вклад в изучение объектов крепости и общих аспектов ее истории: Л.В. Андрианова, А.И. Барабанова, Г.А. Попова, М.О. Логунова, Н.Р. Славнитский. Тем не менее, малоизученным моментом остаются персоналии первых музейных сотрудников, их роль в формировании музея. Большинство опубликованных статей основаны на материалах фондов Центрального государственного архива Санкт-Петербурга (Далее — ЦГА СПб) и Центрального государственного архива литературы и искусства Санкт-Петербурга (Далее — ЦГАЛИ СПб), в меньшей степени — на материалах архива Государственного музея истории Санкт-Петербурга (в нем также хранятся и постепенно публикуются архивные документы и научные исследования, по тем или иным причинам не вышедшие в свет в свое время). Дела ЦГА СПб, связанные с началом 1930-х гг., почти не введены в научный оборот и редко затрагиваются исследователями, однако позволяют лучше раскрыть направления музейной работы, осветить проблему сохранности самого архитектурного ансамбля в рассматриваемый период.

К началу XX века Петропавловская крепость воспринималась как военный объект и «Русская Бастилия», место заточения политических заключенных и офицеров. Помимо этого, на ее территории находились Монетный двор с Арсеналом, что делало крепость немаловажным стратегическим объектом. Хотя стоит отметить, что ансамбль больше ассоциировался с тюрьмой. Утрата крепостью своего первоначального смысла как военной цитадели еще в XVIII веке заложила иное господствующее восприятие всего комплекса зданий на территории Заячьего острова. Образ государственной тюрьмы, сформировавшийся уже в Петровское время, не исчезает с наступлением и XX столетия. Публикуются воспоминания бывших заключенных Трубецкого бастиона и Алексеевского рavelина, которые переиздавались в советское время. Они довольно эмоционально описывают свои

² См., напр.: *Славнитский Н.Р.* Тюрьма Трубецкого бастиона Петропавловской крепости в 1918–1940 годы // Труды Государственного музея истории Санкт-Петербурга. СПб., 2007. Вып. 15. С. 167–179; *Андрианова Л.В.* Из истории Петропавловского собора и Великокняжеской усыпальницы 1920–1940-х годов // Краеведческие записки: Исследования и материалы. СПб., 1994. Вып. 2. С. 316–319.

³ Подробнее см.: *Андрианова Л.В.* Петропавловская крепость в 1917–1945 годах // Петропавловская крепость: страницы истории. СПб., 2001. С. 397–407; *Барабанова А.И. Попова Г.А.* Петропавловская крепость-музей // Петропавловская крепость. Страницы истории. СПб., 2001. С. 407–416; *Славнитский Н.Р.* Музеефикация Петропавловской крепости и ее включение в состав Государственного музея истории Санкт-Петербурга // Труды первого всероссийского съезда историков-регионоведов (Санкт-Петербург, 11–13 октября 2007 года). СПб., 2010. Т. 3. С. 421–432.

переживания. Для этих авторов крепость — «каменный гроб», вход — «пасть чудовищного зверя»⁴. Все в этой «каменной громаде» говорит об убийствах и пытках⁵. Яркое художественное изложение связывалось с памятью о товарищах и соратниках, которые сообщали различные сведения о лишениях. Именно в тюрьме «гибли лучшие силы России»⁶. Арестант терял имя, обращение на «вы», возможность общаться. Он «умирал для всего мира»⁷. Созданный на страницах мемуаров образ крепости как зловещего места заточения преследуемых самодержавием арестантов оказался весьма устойчив.

Иначе предстает Петропавловская крепость в дореволюционных путеводителях по городу. Как авторы описывали и воспринимали крепость с ее объектами? Г.К. Лукомский, например, в своей книге про старый Петербург предлагал совершить прогулки по незнакомым частям города. Потомки не вспомнят о находящихся в них «уголках старины» (дворы, ограды, балконы, росписи и пр.), «ведь участь их предрешена, дни их сочтены», поэтому автору важно отметить хотя бы некоторые исчезающие постройки, в отличие от известных, о которых помнят⁸. Тем не менее, в заключении автор всё-таки пишет о Петропавловской крепости с «фортами, собором, Монетным двором (Воронихин) и чудесным домиком «Дедушки русского флота», где каждая маленькая деталь — «въездные ворота, низкие флигеля казарм, ограды — дышит стариной»⁹. Другой пример — практический путеводитель Г.Г. Москвича (по одной из версий — это псевдоним¹⁰), где он приводит примеры сохранения императорами крепости и как бы добавляет, что «в таком приблизительно виде крепость находится и теперь» (возможно, намекая, что благодаря заботе о памятнике он существует до сих пор)¹¹. Далее Г.Г. Москвич пишет о пользе, которую крепость приносит зрителям своим пушечным выстрелом, извещая о полдне или наводнении, и подчеркивает, что рядом с Монетным двором в «особой каменной беседке» сохраняется бот, найденный Петром I¹². Автор отмечает, что Петропавловский собор — один из старейших и служит усыпальницей русских царей. Подробно описывается внешний и внутренний вид, последний «поражает своей грандиозностью, величием и красотой, а усыпальница Императорской Фамилии, в которой насчитывается 37 гробниц, придает ему особенно торжественный характер, оставляя неизгладимое впечатление»; в главном алтаре расположен «ласкающий глаз своей художественной красотой и легкостью стиля» иконостас¹³. Таким образом, в путеводителях начала XX века передавалось другое, особое, трепетное отношение к крепости, ее постройкам и мелким деталям, формировалось понимание, что ансамбль необходимо беречь и сохранять.

Революционные события сыграли значительную роль в последующей музеефикации крепости. Общеизвестен факт, что Петропавловская крепость сдалась без единого

⁴ *Поливанов П.С.* Алексеевский рavelин: Отрывок из воспоминаний. СПб., 1906. С. 18, 20.

⁵ *Кропоткин П.А.* Записки революционера. Лондон, 1902. С. 324.

⁶ Там же.

⁷ *Поливанов П.С.* Алексеевский рavelин: Отрывок из воспоминаний. С. 51.

⁸ *Лукомский Г.К.* Старый Петербург. Прогулки по старинным кварталам столицы. Пг., 1916. С. 10.

⁹ Там же. С. 77.

¹⁰ *Лысова Л.И.* Неизвестные страницы жизни автора первого путеводителя по Крыму Г.Г. Москвича // *Запад-Восток*. 2016. № 9. С. 108.

¹¹ *Москвич Г.Г.* Практический путеводитель по С.-Петербургу и его окрестностям. Одесса, 1903. С. 127.

¹² Там же.

¹³ Там же. С. 83.

выстрела. К моменту революционных событий 1917 г. ее гарнизон был революционно настроен и поддержал выступившие вооруженные отряды, а впоследствии принимал участие в штурме Зимнего дворца. Одно из наиболее полных исследований, затрагивающих проблему революционности расквартированных в крепости петроградских частей, — монография Е.П. Бусыревой (1928–1990), выпускницы искусствоведческого отделения исторического факультета Ленинградского государственного университета, сотрудницы Государственного музея истории Ленинграда (с 1954 г.)¹⁴. В этом труде показана важность взятия крепости для установления власти большевиков. К 1917 г. Петропавловская крепость входила в Петроградский военный округ и была единственной, что состояла из частей войск разного значения, которые, однако, подчинялись коменданту крепости. Самой многочисленной была команда Петроградской крепостной артиллерии. Что важнее, так это артиллерийский склад, который, в силу специфики труда, комплектовался из среды квалифицированных рабочих-металлистов промышленных центров¹⁵. Из других существенных причин известной революционности «обитателей» крепости стоит отметить постоянное нахождение в казармах солдат, прибывавших с фронта для восполнения нехватки специалистов на военных заводах. Другими словами, крепость являлась своеобразной «перевалочной базой», предоставлявшей возможность узнавать последние новости. Недовольство своим положением и затянувшейся войной превратило гарнизон крепости в «пороховой погреб, готовый вспыхнуть, как только к нему будет поднесена спичка»¹⁶. После всех произошедших событий Петропавловская крепость по праву стала считаться колыбелью Октябрьской социалистической революции, располагавшей на своей территории арсеналом и вооруженными частями (большая часть из них накануне и во время революции склонялась к большевикам).

Что же происходило с находившимися на территории крепости архитектурными сооружениями, имевшими историческую и художественную ценность, в первые послереволюционные годы? Петропавловский собор был окончательно закрыт как действующий храм по приказу коменданта крепости А.И. Поппеля в 1919 г., а изъят из пользования общины верующих в 1922 г.¹⁷ По сведениям Л.В. Андриановой, собор был закрыт весной 1918 г. ввиду «причинения неудобств работе администрации крепости», затем открылся по просьбам верующих и перестал действовать в 1919 г., как указано выше¹⁸. Вероятно, «неудобства» заключались в том, что крепость продолжала существовать как военный объект¹⁹. Тем не менее, в сентябре–октябре 1917 г. наиболее ценные вещи были эвакуированы в Москву в связи с угрозой захвата Петрограда немецкими войсками, что предполагало их дальнейшее возвращение, однако судьба этих реликвий неизвестна. Вывоз ценностей в Москву касался и других объектов, например, Эрмитажа, Русского музея. Отправка осуществлялась в три очереди: 1) 15 сентября 1917 г.; 2) 7 октября 1917 г.; 3) 25 октября 1917 г.²⁰

¹⁴ Бусырева Е.П. Петропавловская крепость в дни революции 1917 года. СПб., 2017.

¹⁵ Там же. С. 15.

¹⁶ Там же. С. 21.

¹⁷ Каулен М.Е. Музеи-храмы и музеи-монастыри в первое десятилетие Советской власти. М., 2001. С. 58.

¹⁸ Андрианова Л.В. Из истории Петропавловского собора и Великокняжеской усыпальницы 1920–1940-х годов. С. 316.

¹⁹ Славитский Н.Р. Петроградская (Петропавловская) крепость в годы Гражданской войны // История в подробностях. 2013. № 12 (42). С. 16–22.

²⁰ Барабанова А.И. Три документа о ценностях Петропавловского собора // Краеведческие записки: исследования и материалы. Вып. 2. СПб., 1994. С. 322.

Согласно описи вещей, эвакуированных в Москву в первую очередь, из Петропавловского собора вывезен 31 ящик с изделиями Петра I, уникальными рукописными и старопечатными книгами, иконами, церковной утварью и облачениями. Кроме того, в ответе ктитора собора от 19 мая 1919 г. в отдел Юстиции Петроградского Совета Рабочих и Красноармейских депутатов, утверждается, что в Москву были отправлены также «книжки сберегательной кассы и банковские документы, хранящиеся в банках капиталы»²¹. В ответе от 25 декабря 1919 г. причт и ктитор вновь извещают, что «сберегательные книжки на денежные документы, указанные в описи, отправлены вместе с ценностями в Москву в Кремль [отправлены], откуда, по имеющимся сведениям, частью перевезены в Нижний Новгород, частью в Ярославль»²². Во вторую очередь отправился 21 ящик с предметами²³. Как итог, вывоз ценностей повлиял на последовавшее формирование экспозиции музея в соборе.

Тюрьма Трубецкого бастиона продолжила принимать заключенных (хотя официально была закрыта в марте 1918 г.) и действовала до 1921 г. В первые месяцы революции 1917 г. там были заключены министры царского правительства, а после октябрьских событий — арестованные министры уже Временного правительства и юнкера²⁴.

Трансформация крепости и отдельных ее построек в объект музейного показа шла медленно. В 1920 г. на территорию Заячьего острова была допущена первая экскурсионная группа — делегаты Второго конгресса III Интернационала²⁵, однако в литературе встречается информация, что экскурсии стали водить в 1918 г. в еще действующем Петропавловском соборе²⁶. По-видимому, этот опыт не был продолжительным. В новейших исследованиях подчеркивается, что свободный вход на территорию крепости был разрешен только 29 апреля 1921 г., окончательно возможность свободного посещения закреплена была в мае 1921 г.²⁷. Однако здания для посещения все еще были закрыты. В ноябре 1921 г. в подчинение Садовой секции Музейного фонда отходит Петропавловский собор²⁸. В дальнейшем организациями экскурсий занималось Главное управление научными и научно-художественными учреждениями, созданное при Наркомпросе в январе 1922 г. (далее Главнаука). В 1922 г. в ведение Главнауки были переданы Петропавловский собор и Великокняжеская усыпальница. Они значились как «самостоятельный музейный объект»²⁹.

²¹ Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (Далее — ЦГА СПб). Ф. Р-151 (Петроградский райсовет народных депутатов СПб). Оп. 2. Д. 109. Дело по наблюдению за деятельностью Петропавловского собора (Анкеты служителей собора и др.). Л. 5.

²² Там же. Л. 8.

²³ Гессен В.Ю. О судьбе имущества Петропавловского собора в Петрограде // Вестник церковной истории. 2020. № 1–2 (57–58). С. 106.

²⁴ Славитский Н.Р. Тюрьма Трубецкого бастиона Петропавловской крепости в 1918–1940 годы. С. 167.

²⁵ Логачев К.И. Петропавловская (Санкт-Петербургская) крепость: Историко-культурный путеводитель. Л., 1988. С. 56.

²⁶ Андрианова Л.В. Из истории Петропавловского собора и Великокняжеской усыпальницы 1920–1940-х годов. С. 316.

²⁷ Славитский Н.Р. Музеефикация Петропавловской крепости и ее включение в состав Государственного музея истории Санкт-Петербурга. С. 421.

²⁸ Иванов Д.В. Революции и коллекции: Петроградское (Ленинградское) отделение Государственного музейного фонда и Музей антропологии и этнографии. СПб., 2018. С. 75.

²⁹ Андрианова Л.В. Из истории Петропавловского собора и Великокняжеской усыпальницы 1920–1940-х годов. С. 316.

В 1923 г. Реввоенсоветом было принято решение о передаче Трубецкого бастиона Государственному музею Революции (документально оформлено в начале 1924 г.). С мая 1924 г. появилась возможность посещать здания Трубецкого бастиона и Петропавловского собора. Н.Р. Славнитский отмечает, что распоряжение о передаче Петропавловского собора с Усыпальницей Музею Революции вышло только в конце 1926 г.³⁰ Изначально Петропавловский собор «как архитектурный памятник» вместе с Великокняжеской усыпальницей хотели передать в ведение Ленинградского Губернского исполнительного комитета Губернского Съезда Советов (Губисполкома) или Военного ведомства, в связи с чем Ленинградское отделение Главнауки запрашивало Музей Революции, представляют ли объекты интерес и будет ли музей возбуждать вопрос о передаче их в свое ведение³¹. Ленинградское отделение Главнауки контролировало и процесс создания музея в Трубецком бастионе, предлагая Музею Революции привести бастион в музейное состояние путем разработки плана, «облегчающего возможность широкого ведения политико-просветительной работы»³². В 1927 г., после ремонтных работ в ряде помещений, в Трубецком бастионе открылась экспозиция с восстановленными камерами³³.

Таким образом, 1920-е гг. стали временем постепенного складывания музея на территории Заячьего острова. Петропавловская крепость как конгломерат архитектурных построек, занятых различными государственными учреждениями, подведомственными разнообразным органам власти, в эпоху революции не могла одновременно быть трансформирована в музей. Сложившийся еще до революции образ крепости как места заключения деятелей освободительного движения, преследуемых царизмом, диктовал необходимость превращения в объекты музейного показа, в первую очередь, крепостных казематов. В то же время Петропавловский собор (архитектурная доминанта города), в котором погребены самодержцы, также должен был стать доступным публике. Вокруг этих двух ключевых построек — Трубецкого бастиона и Петропавловского собора — в основном и велась музейная работа.

Пришедшийся на 1920-е гг. процесс формирования образа Петрограда-Ленинграда как центра революционного движения способствовал тому, что Петропавловская крепость рассматривалась как одно из мест памяти о революции³⁴. Появлялись первые официальные путеводители (хотя в последующие годы будет особенно ощущаться дефицит литературы такого рода³⁵), согласно которым главным объектом показа являлся именно Трубецкой бастион: в нем содержались П.А. Кропоткин, С.С. Синегуб, Вера Фигнер и другие видные деятели революционного движения³⁶. В проводимых экскурсиях

³⁰ Славнитский Н.Р. История Петропавловской крепости — филиала Государственного музея Революции // ГМПИР: 90 лет в пространстве истории и политики. 1919–2009: материалы научной конференции, посвященной юбилею Государственного музея политической истории России. СПб., 2010. С. 18.

³¹ ЦГА СПб. Ф. Р-2555 (Отделение Главного управления научных учреждений). Оп. 1 Д. 1277. Музей Революции и Петрокрепость. Л. 21.

³² Там же. Л. 59.

³³ Славнитский Н.Р. История Петропавловской крепости — филиала Государственного музея Революции. С. 18.

³⁴ Березина В.А. «Знание — путь к коммунизму. Экскурсия — проводник знания»: экскурсия как форма досуга и просвещения петроградцев-ленинградцев в 1918–1929 годах // Вестник Пермского университета. 2015. Вып. 3 (30). С. 92–93.

³⁵ ЦГА СПб. Ф. Р-506 (Областное отделение общества политкаторжан). Оп. 1. Д. 631. Переписка с музеем революции о состоянии Петропавловской крепости. Л. 10, 17.

³⁶ Подробнее см.: Ползикова-Рубец К.В. Петропавловская крепость: путеводитель в экскурсионном плане. Л., 1930.

применялись новые на тот момент приемы. Например, раскрывались переживания заключенных с помощью чтения отрывков из их мемуаров во время экскурсии по казематам на тему «Петропавловская крепость как тюрьма», ибо «пустые однообразные переделанные камеры мало дают показательного зрительного материала»³⁷. В итоге с 1 июня 1924 года по 1 июля 1925 года крепость посетили 86 627 человек, больше всего — в составе экскурсий³⁸.

Какие же лица, связанные с этими первыми шагами музея, могут быть названы в первую очередь? Первым хранителем-архитектором Петропавловского собора стала Ольга Михайловна Равицкая. Назначение это от Ленинградского отделения Главнауки было не случайным, тем более, одним из тех, кто ее рекомендовал на службу, являлся известный архитектор К.К. Романов (1882–1942). Она родилась 27 декабря 1890 г. в Вильно (ныне — литовский Вильнюс) в семье ротмистра пограничной стражи³⁹. На момент 1925 г. вдова, ее муж прежде служил городским архитектором в городской управе. Получила среднее образование в Виленском Мариинском женском училище и успешно прошла курс восьмого класса по специализации в математике, с 1909 по 1916 гг. училась в Высшем Архитектурном институте имени Е. Ф. Багаевой и была оставлена при институте для изучения и исследования русского зодчества. В 1919 г. О.М. Равицкая стала членом постоянной комиссии по архитектуре Российской академии истории материальной культуры в Петрограде в качестве ассистента по изучению русского зодчества, попутно ведя работу исследовательского характера, будучи хранителем и архитектором памятников петровской эпохи. Ее первое самостоятельное исследование связано с изучением церкви Рождества на кладбище 1382 года в Новгороде⁴⁰. К сожалению, труд О.М. Равицкой не был напечатан «ввиду очень большого количества чертежей»⁴¹. А в 1920-е гг. она была приглашена на должность архитектора-хранителя в Музейный фонд. Через два года после назначения в Петропавловский собор в 1922 г. О.М. Равицкая стала также архитектором-хранителем Исаакиевского собора. Примерно в это же время ее назначают первым хранителем Летнего дворца⁴². Деятельность О.М. Равицкой связана с Музеем Революции, где она была архитектором и наблюдала за сохранностью Шлиссельбургской крепости, Петропавловского собора и Трубецкого бастиона до 1929 г., когда уволилась (по другой информации — была снята с работы⁴³). Заместитель директора Музея Революции П. Буткевич отмечал ее «медлительность в выполнении даваемых ей служебных поручений», а также то, что она «до сих пор не передала по акту вещи по Петрокрепости» и не оформила официально уход с работы⁴⁴. Нужно

³⁷ Эдельштейн З.А. Новые течения в школьных культурно-исторических экскурсиях // Вопросы экскурсионного дела: по данным Петроградской экскурсионной конференции, 10–12 марта 1923 г. Пг., 1923. С. 24.

³⁸ ЦГА СПб. Ф. Р-2555 (Отделение Главного управления научных учреждений). Оп. 1 Д. 1277. Музей Революции и Петрокрепость. Л. 60.

³⁹ Там же. Д. 876. Равицкая О.М. Л. 1.

⁴⁰ Там же. Л. 2 об.

⁴¹ Там же. Л. 3.

⁴² Мантуров М.В. Роль архитектора в музеефикации Летнего дворца Петра I в Летнем саду: участие архитекторов В.Н. Талепоровского, О.М. Равицкой и Н.Е. Лансере в создании дворца-музея «Летний дворец Петра I» в Летнем саду // Дворец как портрет владельца: Сборник статей по материалам международной научно-практической конференции ГМЗ «Петергоф», Санкт-Петербург, 27–28 сентября 2021 года. СПб., 2022. Т. XII. С. 138.

⁴³ ЦГАЛИ СПб. Ф. Р-285 (Государственный музей Революции). Оп. 1. Д. 5. Списки личного состава сторожевой охраны. Л. 4.

⁴⁴ Там же. Д. 7. Списки личного состава сторожевой охраны. Л. 28.

заметить, что имя О.М. Равицкой, связанное с целым рядом музеев в 1920-е гг., оказалось в забвении, а ее биография требует дальнейшего изучения.

Еще один человек, который напрямую был связан с Петропавловской крепостью в 1920-е гг. — Александра Тимофеевна Шакол (1886–1958). Она работала научным сотрудником в Музее Революции, в конце 1920-х — начале 1930-х гг. являлась заведующей Петропавловской и Шлиссельбургской крепостями. Музей Революции отмечал в 1933 г. проделанные ею работы в Петропавловской крепости, среди которых проработка архивов и на основе данных создание дополнительной экспозиции в Трубецком бастионе, а также дополнительной экспозиции о Международной организации помощи борцам революции (МОПР), проведение исследовательской работы в военном архиве по изучению планов и чертежей за XVIII–XIX вв., в результате чего выполнена модель Петропавловской крепости за 1870–1880-е гг. Одна из печатных работ А.Т. Шакол — статья о казни в 1879 г. В.Д. Дубровина на левом валу Иоанновского рavelина крепости в «Каторге и ссылке» за 1929 г.⁴⁵

Помимо О.М. Равицкой и А.Т. Шакол, персональный состав целой плеяды первых музейных сотрудников на территории Петропавловской крепости все еще требует своего изучения.

Несмотря на признание революционного значения крепости и немалую посещаемость ее экскурсантами, в середине 1920-х гг. музей на Заячьем острове сталкивается с рядом проблем. В 1930-е гг. эти трудности займут одно из центральных мест и достигнут своего пика накануне Великой Отечественной войны. Средств на ремонт и починку зданий, подконтрольных Музею Революции, крайне не хватало. Так, в 1925 г. Музей Революции просил у Главнауки отчислять ему 50 % с входной платы в крепость⁴⁶, с чем не была согласна О.М. Равицкая (только она пишет о половине с входной платы от посещения Петропавловского собора), ведь все предполагаемые деньги на ремонт собора ушли на починку кровли Трубецкого бастиона. На тот момент именно О.М. Равицкая распоряжалась средствами от Главнауки и входной платой и считала, что «приведя в порядок один памятник, необходимо приступить к работам по Петропавловскому собору», хотя и допускала возможность отложить его ремонт ввиду «спешности работ» в Трубецком бастионе⁴⁷. Из-за отсутствия средств музей отказался увеличивать число бесплатных экскурсий в праздничные дни⁴⁸. Даже для устройства выставки в Трубецком бастионе Музей Революции неоднократно обращался о предоставлении денег все к той же О.М. Равицкой, а ремонт и обустройство камер бывшей тюрьмы завершились только в 1927 г. Таким образом, архитектурные объекты на территории Заячьего острова в 1920-е гг. лишь формально попали в ведение Музея Революции, однако в действительности находились под надзором Главнауки. Такое двойственное положение негативно сказывалось на проведении ремонтно-реставрационных работ. Еще ряд проблем касался сохранности всего архитектурного ансамбля, а также взаимодействия организаций и учреждений на крепостной территории.

К началу 1930-х гг. Петропавловская крепость все еще продолжала оставаться военным объектом: около 75 % ее территории занимали учреждения Ленинградского военного округа, части НКВД и Балтфлота, остальную — Монетный двор, Государственный

⁴⁵ Там же. Д. 10. Характеристики и список сотрудников. Л. 6.

⁴⁶ ЦГА СПб. Ф. Р-2555 (Отделение Главного управления научных учреждений). Оп. 1 Д. 1277. Музей Революции и Петрокрепость. Л. 20.

⁴⁷ Там же. Л. 23.

⁴⁸ Там же. Л. 4.

Музей Революции, Газодинамические мастерские, Ленинградское отделение Государственной центральной книжной палаты, Государственная публичная библиотека им. М.Е. Салтыкова-Щедрина и другие организации⁴⁹. Великокняжеская усыпальница передавалась Книжной палате (в 1936 г. усыпальница стала филиалом Государственной публичной библиотеки им. М.Е. Салтыкова-Щедрина)⁵⁰. Сосуществование различных по своим функциям и подчинению органов и учреждений не могло не привести к известной разобщенности целостного крепостного ансамбля, что проявлялось как во взаимоотношениях между этими организациями, так и в состоянии самой территории острова.

Потребность в мероприятиях по благоустройству крепости и капитальному ремонту зданий возникла еще в середине 1920-х гг., когда состоялся ремонт Трубецкого бастиона, однако в 1930-е гг. по причине финансовых трудностей и из-за масштаба необходимых работ на первый план выходит проблема сохранности всего комплекса, а не только отдельных объектов. Музей Революции подвергался активной критике за ненадлежащее руководство. Она нашла выражение в ряде публикаций. Так, в 1933 г. в вечернем выпуске «Красной газеты» за 8 октября Вл. Холодковский поместил резкую заметку под названием «Взятие Петропавловской крепости»⁵¹. В ней красочно описана «мерзость запустения» крепости, «ценнейшего историко-революционного памятника города»: заборчики, свинарники, отсутствие водопровода, канализации, кучки мусора, разруха, грязь, вонь и пр. Положительно он оценивает деятельность Ленинградского отделения Главнауки в 1927 г., так как именно оно привело крепость в приемлемый вид. Автор пишет о бесконечных переговорах по поводу настоящего положения. Главный виновник, по мнению Вл. Холодковского, «хозяин» во множественном числе (их «не то 9, не то 12 — в точности этого, кажется, никто не знает»). Крепость «взята изнутри», а значит, ее должен взять приступом кто-то другой. Решение проблемы он видит во вмешательстве Ленсовета и в приходе единого владельца. Другой пример — статья «Свиньи в Петропавловской крепости» с похожими описаниями: «деревянные заборы, сараи, лачуги, свинарники, конюшни»⁵². Первой публикацией заинтересовалась Ленинградская областная контрольная комиссия Рабоче-крестьянской инспекции, и уже 28 октября 1933 г. был осуществлен осмотр внутренней и внешней частей крепости представителями Ленсовета и Специнспекции, в результате чего подтвердилось «исключительно запущенное состояние памятника»⁵³. В сохранившемся Постановлении Президиума Ленинградского областного комитета ВКП(б) и Коллегии Рабоче-крестьянской инспекции по вопросу о состоянии Петропавловской крепости отмечен факт, что в заметке Вл. Холодковского «не учтено значительное количество еще других дефектов, каковые были обнаружены при осмотре»⁵⁴. Например, наличие самовольных построек без согласования Архитектурно-планировочного отдела Ленсовета и Бюро Охраны памятников, открытых тиров

⁴⁹ ЦГА СПб. Ф. Р-7384 (Санкт-Петербургский городской совет народных депутатов). Оп. 17. Д. 287. Материалы по благоустройству Петропавловской крепости и по озеленению г. Ленинграда. Л. 69, 98.

⁵⁰ Барбанова А.И., Попова Г.А. Петропавловская крепость-музей. С. 409.

⁵¹ Холодковский Вл. Взятие Петропавловской крепости // Красная газета. Вечерний выпуск. 1933. № 232 (4012). С. 2.

⁵² ЦГА СПб. Ф. Р-506 (Областное отделение общества политкаторжан). Оп. 1. Д. 631. Переписка с Музеем Революции о состоянии Петропавловской крепости. Л. 35.

⁵³ ЦГА СПб. Ф. Р-1027 (Областная контрольная комиссия рабоче-крестьянской инспекции). Оп. 1. Д. 1238. Л. 3.

⁵⁴ Там же. Л. 10.

для стрельбы. Более того, чтобы комиссия смогла попасть в военную часть, им нужно было получить соответствующее разрешение⁵⁵. Постановление обязывало произвести ремонтные работы и передать всю территорию со строениями в ведение Массового отдела Ленсовета для создания единого историко-революционного музея, а военным органам поручалось развернуть работу военных музеев⁵⁶. В дальнейшем также будет отмечаться ненадлежащее руководство Музея Революции, несмотря на получение дохода от продажи входных билетов. В ответ на возражения А. Шакол, заведовавшая крепостью, сообщала о постоянных обращениях музея к различным учреждениям (Отдел охраны памятников старины и искусства, Массовый отдел Ленсовета) с ходатайством о средствах на неотложный ремонт Трубецкого бастиона и Петропавловского собора, но денег, по ее словам, музей никаких не получал⁵⁷. В августе 1934 г. А. Шакол подводит итог в своем сообщении о состоянии ансамбля: «Крепость продолжает разрушаться»⁵⁸. Попытки исправить ситуацию, однако, все же предпринимались.

В 1934 г., за год до своего разгрома, Ленинградское отделение Всесоюзного общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев взяло «шефство» над бывшей тюрьмой Трубецкого бастиона и Петропавловским собором для организации политико-просветительной работы вокруг памятника «в широких массах трудящихся Ленинграда»⁵⁹. Организация хотела устроить историко-революционный музей в бывшей квартире смотрителя тюрьмы, так как «в настоящее время посетители видят лишь голые стены»⁶⁰. Второй шаг виделся в восстановлении полуразрушенного памятника в дореволюционном состоянии, в ремонте зданий.

До 1934 г. Общество уже интересовалось памятником, выпустив в 1931 г. в своем издательстве книгу историка А.В. Предтеченского «Летопись Петропавловской крепости»⁶¹. В работе задавалась модель интерпретации Петропавловской крепости, наиболее целесообразная для этой общественной организации. История ансамбля связывалась с этапами революционного движения, и через показ невыносимых условий заключения узников, «пленников правительства» и настоящих борцов, представляла яркая и ужасная летопись Петропавловской крепости. Интерес Общества политкаторжан подкреплялся и тем, что среди его членов были бывшие заключенные «русской Бастилии».

Архитектурные объекты при этом продолжали официально находиться в ведении Музея Революции, а «шефство» Общества на первом этапе понималось как помощь в работе музея по улучшению положения в Петропавловской крепости, то есть без юридической передачи Петропавловского собора и здания бывшей тюрьмы под контроль последнего. Но Ленинградское отделение Общества довольно быстро осознало формальное, ведомственное положение памятника как филиала Музея Революции и откровенно писало о планах превратиться «из шефа в полного хозяина», то есть полностью закрепиться в крепости⁶². Все дальнейшие усилия Общества направлялись на внедрение в крепость его членов на самые разные должности.

⁵⁵ Там же. Л. 11.

⁵⁶ Там же. Л. 4–5.

⁵⁷ ЦГА СПб. Ф. Р-506 (Областное отделение общества политкаторжан). Оп. 1. Д. 631. Переписка. Л. 27.

⁵⁸ Там же. Л. 27 об.

⁵⁹ Там же. Л. 2.

⁶⁰ Там же. Л. 31.

⁶¹ Предтеченский А.В. Летопись Петропавловской крепости. М., 1931.

⁶² ЦГА СПб. Ф. Р-506 (Областное отделение общества политкаторжан). Оп. 1. Д. 631. Переписка. Л. 33.

За свой счет, «согласно договоренности» с Музеем Революции, Ленинградское отделение Общества направило 24 июля 1934 г. члена Алексея Николаевича Алешковского (1879–1938), эсера, до революции подвергавшегося арестам, а после работавшего в области внешкольного образования⁶³, для заведования музеем⁶⁴. В период с 25 июля по 1 августа 1934 г. А.Н. Алешковский отправил четыре служебные записки. В первых двух А.Н. Алешковский, ознакомившись с книгами заявлений и пожеланий посетителей, писал про жалобу на отсутствие кипяченой воды в Трубецком бастионе, отчего «возможно заразиться разными болезнями»⁶⁵. Он договорился с воинской частью по соседству о доставке ежедневно трех ведер кипяченой воды за 30 рублей в месяц. В другом отзыве высказана необходимость хозяйственного ухода за двором, иначе «историческая тюрьма превратится в уборную». Решение проблемы автор записки видел в организации субботника с привлечением членов Общества. Следующая (третья) записка основана на мнении самого А.Н. Алешковского: «Организационные работы по музею потребуют большой затраты времени и энергии»⁶⁶. Это и ремонт тюрьмы Трубецкого бастиона, Петропавловского собора, «ожидалки», создание буфета, выставки, библиотеки, налаживание экскурсионной работы. Наконец, последняя говорила о необходимости создания киоска с соответствующей литературой⁶⁷. Таким образом, представители Общества политкаторжан, в первую очередь, А.Н. Алешковский, в начале 1930-х гг. попытались наладить работу филиала Музея Революции в Петропавловской крепости, стимулировали активность сотрудников самого музея.

В начале августа 1934 г. должность заведующего музеем вновь перешла к А.Т. Шакол. Тогда Обществом политкаторжан проводится собрание, на котором признается плохое состояние зданий крепости из-за отсутствия средств у Музея Революции. Предлагается создать руководство для работы в музее и подготовить необходимые кадры с помощью А.Т. Шакол⁶⁸. В это же время формируется группа по политико-просветительной деятельности, а также хозяйственная комиссия. Общество осмотрело Петропавловский собор и Трубецкой бастион на предмет наличия политико-просветительской деятельности и выявило почти полное ее отсутствие, крайнее запустение объектов. Часть расходов по ремонту объектов Общество готовилось взять на себя, а другую, по его мнению, должен был отпустить Ленсовет⁶⁹. В то же самое время Музей Революции просит военное ведомство предоставить ему половину Петровской куртины для обустройства там буфета, помещения для курения и уборной, а также ходатайствует об освобождении Алексеевского рavelина от конюшен и барачков и праве подниматься на бастион Петра I. О предоставлении помещения «с удобствами» просит и Общество у Ленинградского городского комитета ВКП(б)⁷⁰.

В конце августа 1934 г. Музей Революции фактически впервые составляет подробный план работ по «нашей Бастилии» и отправляет его Обществу⁷¹. Планируемый результат

⁶³ О нем подробнее см.: *Филимонов А.В.* Псковские статистики и общество краеведения (1920-е гг.) // Псков. 2015. № 42. С. 84–93.

⁶⁴ ЦГА СПб. Ф. Р-506 (Областное отделение общества политкаторжан). Оп. 1. Д. 631. Переписка. Л. 6. Кроме А.Н. Алешковского, для проведения экскурсий на время отсутствия сотрудника Музея Революции в виде общественной нагрузки прикреплялся член Общества Махлин.

⁶⁵ Там же. Л. 7, 8.

⁶⁶ Там же. Л. 9.

⁶⁷ Там же. Л. 10.

⁶⁸ Там же. Л. 13, 13 об.

⁶⁹ Там же. Л. 29–33.

⁷⁰ Там же. Л. 16.

⁷¹ Там же. Л. 23–26.

всех предприятий — превращение Петропавловской крепости в «музейный центр (музейный городок)» ввиду ее всесоюзного и европейского значения. Подготовка к осуществлению этого замысла состояла в выселении «случайных хозяев», назначении единого хозяина, запрете искажать здания, предоставлении ряда зданий для музейного использования (музеи, библиотеки, лектории, кино), ремонте крепости, обслуживании посетителей, охране. Все работы делились на пять видов: организационные, ремонтные, музейные (экспозиционные), обслуживание посетителей и охрана.

В перечне об организационных работах отразились наиболее острые проблемы последних лет: устройство зала ожидания, получение права водить экскурсии на бастион Петра I, передача Ботного здания для книжного киоска и почтового отделения, организация помещения для служащих. Ремонтные работы состояли в починке Трубецкого бастиона, Петропавловского собора, помещения для экскурсантов и служащих, Ботного здания (капитальный и хозяйственный ремонт). Музейные работы распределялись по объектам. Так, в Трубецком бастионе планировалось отремонтировать камеры, оборудовать заново место заключения Горького и т.д. Кроме того, предполагалось создание дополнительной экспозиции в квартире зрителя. Петропавловский собор не попадал под пристальное внимание Музея Революции, есть только упоминание о формировании в здании экспозиции на тему «Религия на службе у государства». Новая инициатива, содержащаяся в плане, — установка мемориальных досок на территории Петропавловской крепости, развития в тот период не получила. Блок работ, связанных с обслуживанием посетителей, включал в себя издательскую деятельность (путеводители, листовки, открытки и др.). Наконец, в числе охранных мероприятий упоминались самые общие положения, которые касались Трубецкого бастиона.

В 1934–1935 гг. Ленинградское областное отделение Общества политкаторжан и Музей Революции совместно составляли планы по ремонту и благоустройству Петропавловского собора и Трубецкого бастиона. Воплощение в жизнь этих планов, хотя и имело место, но существенных изменений в облике музея не произошло. Как свидетельствовали результаты проводимой Обществом политкаторжан инспекции, «проходы к Трубецкому бастиону содержатся правда чище, чем это было видно, мусора сейчас там не видно», но «в остальном всё по-прежнему»⁷². Судить об уровне культурно-просветительской работы в филиале Музея Революции в середине 1930-х гг. затруднительно. Информация о проведении экскурсий в Петропавловском соборе и тюрьме Трубецкого бастиона фрагментарна. На одном из собраний ударной бригады Музея Революции по Петропавловской крепости 27 апреля 1933 г. обсуждался фашизм и его привязка к экскурсии по собору⁷³. Предлагалось рассказывать о царском и фашистском терроре, о военной угрозе, которую несет СССР фашизм. В протоколе собрания 16 мая того же года давались соображения по поводу рассказа о строительстве крепости, например, предлагалось использовать противопоставления: «захватническая политика царского правительства» и «наша политика мира», затраченные средства на собор и строительство Домов Культуры, диктатура финансового капитала и диктатура пролетариата⁷⁴. В Трубецком бастионе планировалось

⁷² Там же. Д. 750. Дело по наблюдению за деятельностью музея «Петропавловская крепость». Л. 20.

⁷³ ЦГА СПб. Ф. Р-4410 (Общество пролетарского туризма и экскурсий). Оп. 1. Д. 555. Протоколы собраний бригад музеев: Революции, Петропавловской крепости и методо-разработка тем для экскурсий. Л. 4–4 об.

⁷⁴ Там же. Л. 8.

сравнивать строительство камер и «наше строительство»⁷⁵. Подчеркнутое стремление идеологизировать экскурсионное обслуживание, использовать музей в качестве орудия идеологической борьбы типично для начала 1930-х гг., однако процесс складывания целостного музейного организма в Петропавловской крепости оказался осложнен изменениями в социально-политической реальности тех лет. Шефствовавшее над музеем Общество политкаторжан ликвидировали в 1935 г.⁷⁶, Музей Революции был временно закрыт в мае 1935 г.⁷⁷ Попытки предпринять более решительные меры по сохранению, ремонту, реставрации и музеефикации ансамбля крепости будут предприниматься только в конце 1930-х гг., но этим планам помешает война.

Петропавловская крепость в 1920-е–1930-е гг. оказалась в фокусе внимания разнообразных сил, стремившихся использовать расположенные на ее территории объекты для своих нужд. Историческое и художественное значение архитектурных сооружений крепости способствовало процессу их музеефикации, проходившему в послереволюционную эпоху отнюдь не беспрепятственно. Музейный статус получили в послереволюционные десятилетия фактически лишь два объекта—тюрьма Трубецкого бастиона и Петропавловский собор. Надзор за ними осуществляли представители трех учреждений—Ленинградского отделения Главнауки Наркомпроса, Ленинградского отделения Всесоюзного общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев и Ленинградского Государственного музея Революции. Масштаб требовавшихся ремонтно-реставрационных работ, необходимость постоянного взаимодействия с многочисленными размещавшимися на территории Заячьего острова организациями, в том числе подведомственными Наркомату обороны, осложняли процесс музеефикации, при том что необходимость расширения музейных площадей уже однозначно осознавалась к середине 1930-х гг. Однако сформировавшийся к этому периоду публичный образ Петропавловской крепости как «русской Бастилии», поддерживаемый Музеем Революции, хотя и лежал в основе историко-революционного профиля действовавшего музея, не позволял разрешить проблему сохранности всего историко-архитектурного комплекса.

Список литературы

Андрианова Л.В. Из истории Петропавловского собора и Великокняжеской усыпальницы 1920–1940-х годов // Краеведческие записки: Исследования и материалы. СПб.: Искусство России, 1994. Вып. 2. С. 316–319.

Андрианова Л.В. Петропавловская крепость в 1917–1945 годах // Петропавловская крепость: страницы истории: к 300-летию Санкт-Петербурга. СПб.: Арт-Палас, 2001. С. 397–406.

Барабанова А.И. Попова Г.А. Петропавловская крепость-музей // Петропавловская крепость. Страницы истории: к 300-летию Санкт-Петербурга. СПб.: Арт-Палас, 2001. С. 407–416.

Барабанова А.И. Три документа о ценностях Петропавловского собора // Краеведческие записки: исследования и материалы. СПб.: Искусство России, 1994. Вып. 2. С. 320–325.

⁷⁵ Там же.

⁷⁶ О ликвидации общества бывших политкаторжан и ссыльнопоселенцев // Собрание законов и распоряжений рабоче-крестьянского правительства СССР. 1935. № 34. Ст. 299.

⁷⁷ *Мальшева С.Н.* Культурно-просветительская работа Государственного музея Революции в 1920–1930-х гг. // Политическая история России. Теория и музейная практика: сборник научных трудов. К 100-летию Государственного музея политической истории России. СПб., 2019. Вып. X. С. 256.

Березина В.А. «Знание— путь к коммунизму. Экскурсия— проводник знания»: экскурсия как форма досуга и просвещения петроградцев-ленинградцев в 1918–1929 годах // Вестник Пермского университета. 2015. Вып. 3 (30). С. 88–98.

Бусырева Е.П. Петропавловская крепость в дни революции 1917 года. СПб.: ГМИ СПб, 2017. 164 с.

Гессен В.Ю. О судьбе имущества Петропавловского собора в Петрограде // Вестник церковной истории. 2020. № 1–2 (57–58). С. 103–116.

Иванов Д.В. Революции и коллекции: Петроградское (Ленинградское) отделение Государственного музейного фонда и Музей антропологии и этнографии. СПб.: МАЭ РАН, 2018. 208 с.

Каулен М.Е. Музеи-храмы и музеи-монастыри в первое десятилетие Советской власти. М.: Луч, 2001. 163 с.

Кропоткин П.А. Записки революционера. Лондон: Издание фонда вольной русской прессы, 1902. 477 с.

Логачев К.И. Петропавловская (Санкт-Петербургская) крепость: Историко-культурный путеводитель. Л.: Аврора, 1988. 143 с.

Лукомский Г.К. Старый Петербург. Прогулки по старинным кварталам столицы. Пг.: Свобод. Искусство, 1916. 81 с.

Лысова Л.И. Неизвестные страницы жизни автора первого путеводителя по Крыму Г.Г. Москвича // Запад-Восток. 2016. № 9. С. 107–125.

Макогонова М. Петропавловская крепость: оплот России на Балтике, императорская усыпальница, государева тюрьма, музей под открытым небом. СПб.: П–2, 1999. 28 с.

Мальшева С.Н. Культурно-просветительская работа Государственного музея Революции в 1920–1930-х гг. // Политическая история России. Теория и музейная практика: сборник научных трудов. К 100-летию Государственного музея политической истории России. СПб.: Тип. «Любавич», 2019. Вып. X. С. 250–265.

Мантуров М.В. Роль архитектора в музеефикации Летнего дворца Петра I в Летнем саду: участие архитекторов В.Н. Талепоровского, О.М. Равицкой и Н.Е. Лансере в создании дворца-музея «Летний дворец Петра I» в Летнем саду // Дворец как портрет владельца: Сборник статей по материалам международной научно-практической конференции ГМЗ «Петергоф», Санкт-Петербург, 27–28 сентября 2021 года. СПб.: ГМЗ «Петергоф», 2022. Т. XII. С. 134–141.

Москвич Г.Г. Практический путеводитель по С.-Петербургу и его окрестностям. Одесса: Тип. Юж.-рус. о-ва печ. дела, 1903. XVIII, 288, XLVIII с.

Ползикова-Рубец К.В. Петропавловская крепость: путеводитель в экскурсионном плане. Л.: Гос. изд-во, 1930. 103 с.

Поливанов П.С. Алексеевский рavelин: Отрывок из воспоминаний. СПб.: В знании и борьбе— сила и право В. Распопова, 1906. 128 с.

Предтеченский А.В. Летопись Петропавловской крепости. М.: изд-во Всес. о-ва политкаторжан и сс.-поселенцев, 1932. 120 с.

Славнитский Н.Р. История Петропавловской крепости— филиала Государственного музея Революции // ГМПир: 90 лет в пространстве истории и политики. 1919–2009: материалы научной конференции, посвященной юбилею Государственного музея политической истории России. СПб.: Норма, 2010. С. 17–23.

Славнитский Н.Р. Музеефикация Петропавловской крепости и ее включение в состав Государственного музея истории Санкт-Петербурга // Труды первого всероссийского

съезда историков-регионоведов (Санкт-Петербург, 11–13 октября 2007 года). СПб.: Президентская библиотека имени Б.Н. Ельцина, 2010. Т. 3. С. 421–432.

Славнитский Н.Р. Петроградская (Петропавловская) крепость в годы Гражданской войны // История в подробностях. 2013. № 12 (42). С. 16–22.

Славнитский Н.Р. Тюрьма Трубецкого бастиона Петропавловской крепости в 1918–1940 годы // Труды Государственного музея истории Санкт-Петербурга. СПб.: Нестор-История, 2007. Вып. 15. С. 167–179.

Филимонов А.В. Псковские статистики и общество краеведения (1920-е гг.) // Псков. 2015. № 42. С. 84–93.

Эдельштейн З.А. Новые течения в школьных культурно-исторических экскурсиях // Вопросы экскурсионного дела: по данным Петроградской экскурсионной конференции, 10–12 марта 1923 г. Пг.: Начатки знаний, 1923. С. 23–27.

References

Andrianova, L.V. *Iz istorii Petropavlovskogo sobora i Velikoknjazheskoj usypal'nicy 1920–1940-h godov* [To the history of the Peter and Paul Cathedral and the Grand Ducal Burial Chapel in 1920–1940s], in *Kraevedcheskie zapiski: Issledovanija i materialy*. Saint-Petersburg: Iskusstvo of Russia Press, 1994. Vol. 2. P. 316–319. (in Rus.).

Andrianova, L.V. *Petropavlovskaja krepost' v 1917–1945 godah* [The Peter and Paul Fortress in 1917–1945], in *Petropavlovskaja krepost'. Stranicy istorii: k 300-letiju Sankt-Peterburga*. Saint-Petersburg: Art-Palاس Press, 2001. P. 397–406. (in Rus.).

Barabanova A.I., Popova G.A. *Petropavlovskaja krepost'-muzej* [Peter and Paul Fortress Museum], in *Petropavlovskaja krepost'. Stranicy istorii: k 300-letiju Sankt-Peterburga*. Saint-Petersburg: Art-Palاس Press, 2001. P. 407–416. (in Rus.).

Barabanova, A.I. *Tri dokumenta o cennostjah Petropavlovskogo sobora* [Three documents on the values of the Peter and Paul Cathedral], in *Kraevedcheskie zapiski: Issledovanija i materialy*. Saint-Petersburg: Art of Russia Press, 1994. Vol. 2. P. 320–325. (in Rus.).

Berezina, V.A. «*Znanie — put' k kommunizmu. Jekskursija — provodnik znaniya*»: *jekskursija kak forma dosuga i prosveshhenija petrogradcev-leningradcev v 1918–1929 godah* [“Knowledge is the way to communism. Excursion is the conductor of knowledge”: excursion as a form of leisure and enlightenment of Petrograders-Leningraders in 1918–1929], in *Vestnik Permskogo universiteta*. 2015. Vol. 3 (30). P. 88–98. (in Rus.).

Busyreva, E.P. *Petropavlovskaja krepost' v dni revoljucii 1917 goda* [Peter and Paul Fortress during the revolution in 1917]. Saint-Petersburg: GMI St. Petersburg Press, 2017. 164 p. (in Rus.).

Edelstein, Z.A. *Novye techenija v shkol'nyh kul'turno-istoricheskikh jekskursijah* [New trends in school cultural and historical excursions], in *Voprosy jekskursionnogo dela: po danym Petrogradskoj jekskursionnoj konferencii, 10–12 marta 1923 g.* Petrograd: Nachatki znaniya, 1923. P. 23–27. (in Rus.).

Filimonov, A.V. *Pskovskie statistiki i obshhestvo kraevedenija (1920-e gg.)* [Pskov statisticians and local history society (1920s)], in *Pskov*. 2015. № 42. P. 84–93. (in Rus.).

Gessen, V.YU. *O sud'be imushhestva Petropavlovskogo sobora v Petrograde* [Archival documents relating to the fate of the property of the Peter and Paul Cathedral in Petrograd in 1916–1918], in *Vestnik cerkovnoj istorii*. 2020. № 1–2 (57–58). P. 103–116. (in Rus.).

Ivanov, D.V. *Revoljucii i kollekcii: Petrogradskoe (Leningradskoe) otdelenie Gosudarstvennogo muzejnogo fonda i Muzej antropologii i jetnografii* [Revolutions and collections: Petrograd (Leningrad) branch of the State Museum Fund and the Museum of Anthropology and Ethnography]

Petrograd (Leningrad) branch of the State Museum Fund and the Museum of Anthropology and Ethnography]. Saint-Petersburg: MAE RAN Press, 2018. 208 p. (in Rus.).

Kaulen, M.E. *Muzei-hramy i muzei-monastyri v pervoe desjatiletie Sovetskoj vlasti* [Museums-temples and museums-monasteries in the first decade of Soviet power]. Moscow: Luch, 2001. 163 p. (in Rus.).

Kropotkin, P.A. *Zapiski revoljucionera* [Memoirs of a Revolutionist]. London: Publ. "Fond vol'noj russkoj literatury", 1902. 477 p. (in Rus.).

Logachev, K.I. *Petropavlovskaja (Sankt-Peterburgskaja) krepost': Istoriko-kul'turnyj putevoditel'* [Peter and Paul (St. Petersburg) Fortress: Historical and Cultural Guide]. Leningrad: Avrora Press, 1988. 143 p. (in Rus.).

Lukomsky, G.K. *Staryj Peterburg. Progulki po starinnyim kvartalam stolicy* [Old St Petersburg. Walks through the old neighbourhoods of the capital city]. Petrograd: Svobodnoye iskusstvo Press, 1916. 81 p. (in Rus.).

Lysova, L.I. *Neizvestnye stranicy zhizni avtora pervogo putevoditelja po Krymu G.G. Moskvicha* [Unknown pages of life author of the first guide to Crimea G.G. Moskvich], in *Zapad-Vostok*. 2016. № 9. P. 107–125. (in Rus.).

Makogonova, M. *Petropavlovskaja krepost': oplot Rossii na Baltike, imperatorskaja usypal'nica, gosudareva tjur'ma, muzej pod otkrytym nebom* [Peter and Paul Fortress: Russia's stronghold on the Baltic, imperial burial vault, sovereign's prison, open air museum]. Saint-Petersburg: P-2 Press, 1999. 28 p. (in Rus.).

Malysheva, S.N. *Kul'turno-prosvetitel'skaja rabota Gosudarstvennogo muzeja Revoljucii v 1920–1930-h gg.* [Cultural and educational work of the State Museum of the Revolution in the 1920–1930], in *Politicheskaja istorija Rossii. Teorija i muzejnaja praktika: sbornik nauchnyh trudov. K 100-letiju Gosudarstvennogo muzeja politicheskoi istorii Rossii*. Saint-Petersburg: "Lubavitch" Press, 2019. Vol. X. P. 250–265. (in Rus.).

Manturov, M.V. *Rol' arhitekтора v muzeifikacii Letnego dvorca Petra I v Letnem sadu: uchastie arhitektorov V.N. Taleporovskogo, O.M. Ravickoj i N.E. Lansere v sozdanii dvorca-muzeja «Letnij dvorec Petra I» v Letnem sadu* [The role of the architect in the museumification of the Summer palace of Peter I in the Summer garden: participation of architects V.N. Taleporovsky, O.M. Ravitskaya and N.E. Lancere in the creation of the palace museum "Summer palace of Peter I" in the Summer garden], in *Dvorec kak portret vladel'ca: Sbornik statej po materialam mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoi konferencii GMZ "Petergof", Sankt-Peterburg, 27–28 sentjabrja 2021 goda*. Saint-Petersburg: GMZ "PETERGOF" Press, 2022. Pt. XII. P. 134–141. (in Rus.).

Moskvich, G.G. *Prakticheskij putevoditel' po S.-Peterburgu i ego okrestnostjam* [A practical guide to St. Petersburg and its surroundings]. Odessa: "Yuzhnoye russkoye obshchestvo pechatnogo dela" Press, 1903. XVIII, 288, XLVIII p. (in Rus.).

Polivanov, P.S. *Alekseevskij ravelin: Otryvok iz vospominanij* [Alexeyevsky Ravelin: An extract from memoirs]. Saint-Petersburg: V znanii i bor'be—sila i pravo V. Raspopova, 1906. 128 p. (in Rus.).

Polzikova-Rubets, K.V. *Petropavlovskaja krepost': putevoditel' v jekskursionnom plane* [The Peter and Paul Fortress: a guidebook in a sightseeing plan]. Leningrad: State Publishing House Press, 1930. 103 p. (in Rus.).

Predtechensky, A.V. *Letopis' Petropavlovskoj kreposti* [Chronicle of the Peter and Paul Fortress]. Moscow: Publ. "The Society of Former Political Prisoners and Exiled Settlers", 1923. 120 p. (in Rus.).

Slavnitsky, N.R. *Istorija Petropavlovskoj kreposti—filiala Gosudarstvennogo muzeja Revoljucii* [History of the Peter and Paul Fortress, a filial of the State Museum of the Revolution], in GMPiR: 90 let v prostranstve istorii i politiki. 1919–2009: materialy nauchnoj konferencii, posvjashhennoj jubileju Gosudarstvennogo muzeja politicheskoj istorii Rossii. Saint-Petersburg: Norma Press, 2010. P. 17–23. (in Rus.).

Slavnitsky, N.R. *Muzeifikacija Petropavlovskoj kreposti i ee vključenje v sostav Gosudarstvennogo muzeja istorii Sankt-Peterburga* [Museumification of the Peter and Paul Fortress and its integration into the State Museum of the History of St. Petersburg], in Trudy pervogo vsrossijskogo s#ezda istorikov-regionovedov (Sankt-Peterburg, 11–13 oktjabrja 2007 goda). Saint-Petersburg: Presidential library Press, 2010. Pt. 3. P. 421–432. (in Rus.).

Slavnitsky, N.R. *Petrogradskaja (Petropavlovskaja) krepost' v gody Grazhdanskoj vojny* [The Petrograd (Peter and Paul) Fortress during the Russian Civil War], in Istorija v podrobnostjah. 2013. № 12 (42). P. 16–22. (in Rus.).

Slavnitsky, N.R. *Tjur'ma Trubeckogo bastiona Petropavlovskoj kreposti v 1918–1940 gody* [Prison of the Troubetskoy Bastion of the Peter and Paul Fortress in 1918–1940], in Trudy Gosudarstvennogo muzeja istorii Sankt-Peterburga. Saint-Petersburg: Nestor-istoriya, 2007. Vol. 15. P. 167–179. (in Rus.).